

АЛЕКСАНДР САФРОНОВ

Полёт шмеля в условиях
полярной ночи.

Александр Сафронов

**Полёт шмеля в условиях
полярной ночи.
Сборник рассказов**

«Selfpub.ru»

2017

Сафронов А. И.

Полёт шмеля в условиях полярной ночи. Сборник рассказов
/ А. И. Сафронов — «Selfpub.ru», 2017

«Полет шмеля в условиях полярной ночи» это сборник рассказов, в которых главный герой это советский военный человек, с присущими ему благородством, решимостью и желанием выпить. И этому человеку вдруг сказали, что он больше «не советский». Но даже на обломках недостроенного Коммунизма, военный остался человеком нашим. Содержит нецензурную брань.

Полёт шмеля в условиях полярной ночи.

Ноги дирижёра терзали новенькие, буквально утром извлечённые из коробки, ботинки. Особенно, в истязании усердствовал левый башмак, раздракотивший уже почти высохшую мозоль на мизинце.

Игорь Глебович старался сейчас не думать, про эти чёртовы ботинки, но перед глазами возник силуэт жены, в традиционном образе непризнанной прорицательницы. Игорь Глебович мысленно передразнил Людку, от чего его рот чуть скособочился:

– А я ведь тебе говорила! Натрёшь ноги!

Когда он собирался на службу, супруга, конечно, много чего говорила. При этом, комментарии и рекомендации милой, нельзя было отнести к эталонам дипломатии. На что Игорь Глебович миролюбиво указал ей:

– Людмила, ты жена начальника военного оркестра! А так выражаешься!

– Я жена алкоголика. – отрезала Людка, которая, вследствие, удавшегося накануне вечера у мужа, была настроена агрессивно.

Да-а... Что-то милая стала последнее время пухнуть, как на дрожжах. Хотя и он сам... Игорь Глебович тщетно попытался втянуть живот.

Так, всё! Хватит отвлекаться на ерунду.

Руководитель военного оркестра взглядом осадил Лукича, который задрал свою валторну так, что чуть не заехал коллеге в глаз, и растянул паузу, словно давая возможность оркестрантам проникнуться глубиной момента.

Наконец, дирижёр чуть подал своё тело вперёд, и плавно взмахнул рукой. Белые кубики запрыгали по игровой доске нардов. Выпали «двойка» и «четвёрка». Мнимая надежда на кош, со спасительными шестёрками, унеслась, как юность. Собравшиеся у стола, музыканты зашушукались. Игорь Глебович проиграл третью партию в «шеш-беш» подряд, что было случаем редчайшим.

– Сука, задрали! Как хорёк курицу!

Раздосадованный Игорь Глебович нервно стянул ненавистные ботинки, оставшись стоять на студенном полу, в одних носках. Котельная заполярного города П. работала с перерывами и клуб эскадры подводных лодок, где репетировал оркестр, прогревался по «остаточному принципу».

– К чёрту! Пойду, сегодня на склад. Пусть меняют!

– Хм! – усомнился Лукич, в успехе визита начальника на вещевой склад, любовно рассматривая мундштук своего духового инструмента.

Александр Лукич был ветераном оркестра, а по званию вторым после дирижёра: «старший мичман». И Лукич знал, что говорил. На вещевой склад надо было идти, с давно обещанной, тамошнему начальнику, бутылкой «шила». И вчера, у Игоря Глебовича спирт был. Но благодаря, в том числе посильной помощи и самого Лукича, его не стало. И, соответственно, смысла идти теперь на склад, ветеран не усматривал.

Дирижёр мастерски владел многими инструментами, но с не меньшей страстью, чем музыке, он отдавался любому занятию, имеющему хотя бы намёк на азарт.

Что угодно: карты, домино, кости, шахматы, шашки, а в «шеш-беш» он мог играть сутками. При этом, если его правая рука уставала, он начинал бросать кубики левой. Но

после сегодняшних, трёх проигранных кряду партий, Игорь Глебович решил поискать удачу в другой области:

– Ну, что, может, пульку распишем?

Лукич, мудрый, как и всякий преферансист, резонно заметил:

– Не успеем партию закончить. Лучше уж, после обеда.

– Лучше бы ты вчера таким разумным был. – огрызнулся Игорь Глебович.

Вчера, их «чисто символические по 15 капель», завершились в три часа ночи солом на валторне в квартире Лукича. И то только потому, что соседка стала угрожать звонком в комендатуру.

Из коридора донеслись звуки, рождённые музыкальным инструментом, но не связанные между собой гармонией. Это дул в свой огромный геликон матрос Штукин, посаженный в коридоре клуба вперёдсмотрящим.

Очевидно, Штукин, сволочь такая, проспал, увидел чужака слишком поздно, в результате чего и выдал эту какофонию, вместо оговорённой партии из военного марша.

Игорь Глебович стал судорожно запихивать ноги в ботинки:

– По местам! Ну, ка... С третьей цифры!

В импровизации оркестра с трудом угадывался вальс «Амурские волны».

Дверь неуверенно открылась, и в проём просунулась, скукоженная морозом, физиономия вахтенного с проходной. Полностью зайти в помещение, матросу мешал огромный, не по росту, во многих местах латанный, овчинный тулуп.

Ослеплённый величественным блеском духовых инструментов, он зачарованно улыбнулся и шумно втянул выпадающую соплю.

– Тащ!

Игоря Глебовича всегда раздражал этот огрызок обращения от положенного ему «товарища, старшего лейтенанта». Хотя данное приветствие считалось вполне приличным в военной среде, и иногда даже использовалось офицерами. Но сейчас, ботинки, похмелье, да и физиономия самого посыльного не располагали Игоря Глебовича к умственным беседам о строевом уставе.

– Ну, чего тебе, родной?

– Тащ, там эта... В пятнадцать ноль-ноль совещание. Вам надо быть.

– Где совещание-то?

Посыльный вспоминал. После ледяного, свинцово-белого безмолвия плавучего причала, вахтенный, ошарашенный волшебным миром искусства, начал оттаивать и соображать чуть хуже, чем обычно.

– У командира бербазы?

– Не-а.

– У начальника политотдела?

– Не...

Игорь Глебович начал раздражаться:

– У папы римского?!

Оркестранты загыгыкали.

– У командира эскадры.

Упоминание вице-адмирала С. стряхнуло с лабухов ухмылки и заставило приосаниться.

Осенью, оркестр имел возможность пообщаться с командиром эскадры без посредников. Тогда матрос Штукин, парализованный видом адмиральских погон, внезапно возникших перед его носом, потерял способность дуть. В результате, не оповещённый коллектив, предстал перед высочайшим взором, в достаточно похабном виде. Вице – адмирал С., известный своей кипучей энергией, впал в ярость и собрался «разорвать на пятьдесят шесть вонючих кусков... всех этих... виртуозов «полёта шмеля». По глазам ценителя бессмертного произведения композитора Римского–Корсакова читалось, что он намерен исполнить задуманное прямо сейчас. Но к счастью, адмирала вызвали в штаб, по какому-то, более неотложному, делу.

– По какому поводу совещание?

Своей примороженной мимикой, посыльный дал понять, что данный вопрос не относится к его должностной компетенции, и вытянул голову в коридор.

– Чую, «лабать жмура» будем! – предположил Лукич.

Коллектив, уже месяц, не имевший шанса блеснуть профессионализмом, оживился.

– Хм...не знаю – дирижёр покачал головой.

– Да, точно вам говорю! Иначе, зачем вас, Игорь Глебович, так срочно к адмиралу? А?

– Ну, мало ли... – Игорь Глебович выражал скорее не сомнение, а здоровое желание любого казённого человека, чуть приподнять в глазах окружающих значимость своей должности.

– Вот, увидите, будем жмура лабать! У меня на это дело чутьё.

С наличием у Лукича чутья на похоронные процессии, вряд ли бы кто отважился спорить. Уж, что есть, то есть.

Лет двадцать назад, в пору, когда на месте его теперешней лысины, буйствовал чёрный волос, Лукич состоял в оркестре предприятия ритуальных услуг.

Родной город Александра Лукича не сразу отыщешь не то что на карте мира, а и на карте Московской области, но «клиентов», в «жмур»-конторе хватало.

Производственные отношения предприятия неразрывно сплелись с национальным колоритом. Помянуть, отошедшего в мир иной, клиента являлось частью служебных обязанностей музыканта похоронного оркестра. А в случае нарушения этой профессиональной этики, возникало недопонимание с заказчиком. И, соответственно, драка с оскорблённой роднёй, могла сдвинуться с окончания прощального фуршета, на его начало.

Нормой уважительности к усопшему считался стакан водки. Поэтому, где-то на середине пути, от пьянства к алкоголизму, Лукича, через дядьку-военкома, отправили разучивать военные марши, на Северный флот.

Так что, чутьё на «лабание жмура», у старшего мичмана имелось.

Оставалось только определиться с исполнителем главной роли, в этом грустном спектакле.

– Так, кто всё-таки помер?

Слухи в городе П. распространились со скоростью сероводорода, пущенного в маленькой комнате, где кто-то из сидельцев убоился сквозняка и наглухо закрыл окна.

Но пока, вакансия главного героя оставалась вакантной: никто из музыкантов ничего не слышал. А может, жмур был совсем свежим?!

И тут, определённо внёс Саша Попко.

Саша имел вид счастливец, которого приговорили к отрубанию головы, но в последний момент, палач решил ограничиться вырванным зубом. Радость вновь обретенной жизни, на Сашинем лице, оттеняли зеленоватая бледность и кусок, окровавленной ваты, во рту.

Он обвёл безумными глазами коллег и попытался выразить свою мысль словами. Но, из-за перебора шипящих согласных, попытка не удалась.

Игорь Глебович проникся сочувствием:

– Чего ты говоришь?

Саша собрался с силами, и внятно прошипел вывод, к которому пришёл полчаса назад:

– В гестапо, всё-таки, щенки работали!

– Так, ты в стоматологии... к бабе пошёл?! – изумлённо развёл руками Игорь Глебович.

Саша хотел, в знак согласия, закрыть глаза, но перед ними стоял ужас, и глаза, наоборот, только расширились.

Эмоции душили, и Саша опять, зашипел и зафыркал, брызгая окровавленной слюной.

– Чего?

Вылеченный пациент собрал силы в кулак:

– У бабы очереди не было.

– Ну, милый! В упомянутую тобою организацию, тоже, никогда очередей не было! Я же, тебе дураку, говорил: к бабе ни в коем случае! Только к мужику.

В санчасти эскадры было два зубных кабинета. В одном принимал мужчина, недавно переведённый в город П. из соседнего гарнизона. И, к нему, очередь выгибалась от самой входной двери санчасти. А стулья перед другим кабинетом пустовали.

Иногда, дверь этого кабинета распахивалась, и дама в белом халате, с ненавистью выкрикивала:

– Следующий!

Но «следующего», в переполненной очереди не обнаруживалось, как впрочем, и «предыдущего».

При появлении дамы в белом, беззубый народ жался друг к дружке, как пингвины, при виде белого медведя.

Зубные страдальцы, несмотря на свои мучения, находили слова сострадания для... мужа этой стервы, в докторском обличи:

– Как же он, горемыка, живёт с такой мегерой?!

Хотя, откровенно говоря, больные люди часто бывают чрезмерно доверчивы и добры. Вполне возможно, что муж этой дамы не заслуживал такого сочувствия, поскольку был субъектом необязательным, и к исполнению своих прямых супружеских обязанностей, подходил без должного усердия, а то и вовсе уклонялся. Что и кипятило злобу в крови его бабы.

Впрочем, каким-то оправданием для неё, могло служить советское оборудование. В эпоху развитого социализма, стоматологические бормашины подходили скорее для пыток, чем для лечения зубов.

– Ладно, Саня, иди домой. А то, видок у тебя! – Игорь Глебович усмехнулся: – Мы тут со жмуром не можем определиться.

Слово «жмур», как будто разогнало зубные кошмары, у притихшего Саши. Он, казалось, что-то вспомнил и желал немедленно сообщить новость братьям по нотной грамоте.

Но разбухшая вата во рту, не давала облегчить душу. И Саша скрестил руки на груди и прикрыл глаза. Потом открыл их, и махнул рукой в сторону санчасти.

А, между прочим, городской морг, демонически маячил облупившейся краской, в той же самой стороне света!

В коллективе сложилось впечатление, что искомый жмур нашёлся. А Лукич, как и всякий провидец, желал поскорее убедиться в «нержавейности» своего дара:

– Кто?

Саша ещё раз показал рукой, теперь уже ясно, что в сторону морга, и просвистел:

– Фу-у-ты-ы-й!

Дверь за болезным закрылась.

– Ну, что?! Слышали! – в голосе Лукича, присутствовала лёгкая ирония, простительная человеку, получившему подтверждение своих незаурядных способностей.

Должность Игоря Глебовича оставляла право усомниться:

– Что «слышали»?

Но Лукич был твёрдо настроен, провести собственный бенефис именно сегодня:

– Здра-а-сьте! Саша Попко, ведь, по-русски сказал: Гнутый!

– Эх, ма! – поразились оркестранты. – А ведь, точно!

Цинизм профессии, в душах лабухов, уступил место жалости. Всегда такая новость бьет камнем! Не может человек смириться, что всему есть конец.

После паузы, кто-то спросил:

– А как, Гнутого звали-то?

– Алексей.

– А по отчеству?

Неловкость незнания растворилась в тишине.

Да-а... Всё «Гнутый, Гнутый», а это ведь не фамилия, а прозвище. Дурацкое! У человека голова была чуть наклонена влево, из-за операции на шее.

Работал Алексей на плавмастерской. Он один заменял небольшой завод по изготовлению рыболовных снастей: и самодуры, из дефицитной нержавеющей стали, мог подогнать, и сети, и блёсны. Да, и ножи мог организовать, по вашему заказу, хоть охотничьи, хоть с кнопкой.

Ломил цену, конечно, Гнутый. Тот, ещё хорёк был. Ну, чего уж теперь. Теперь плохо про него не надо.

И не старый-то мужик был. Как сказал про него сынишка Игоря Глебовича: «ну, тот дедушка, который ещё не дедушка».

Могло показаться странным, что адмирал так озаботился проводами Гнутого. Но, во-первых, Алексей (как всё-таки неудобно без отчества!) был военным пенсионером, и вполне могло стать, что знал будущего адмирала, если не с курсантских, то уж с лейтенантских времён. А, во-вторых, адмирал сам рыбак заядлый. Так, что странность эта была надуманной, и могла сгодиться только человеку постороннему, а не жителю города П..

Музыканты притихли, раздавленные ничтожностью человеческой судьбы, на фоне ближайшей галактики.

В дверь просунулась голова Штукина. Потом, словно убедившись, что ругать его не будут, матрос втащил свою огромную трубу.

– Тащ, я на обед пойду.

– Иди родной. Иди.

Игорь Глебович вспоминал: поглажена у него белая рубашка или нет? Людка-то, сейчас, на работе.

Полярная ночь способна сгубить любое хорошее настроение. А если его и в помине нет? Тут, могут помочь только «капли», зажигающие солнце. Те, что по «15».

И когда минёр с «сорок восьмой» лодки Олег Семерня предложил «вспрыснуть это дело», Игорь Глебович уже собрался было согласиться. Но потом Семерня достал своими шуточками:

– Глебыч, ты чего такой потрясённый? Судя по белой рубашке, ты рассчитывал на орден Красной звезды?

А потом, присмотрелся и стал допытываться:

– Глебыч, а кто тебе её так интересно погладил?

Дирижёр вспыхнул, и, не отвечая, шагнул в полярную ночь.

Капитана-лейтенанта Семерню, как и Игоря Глебовича, вызвали в канцелярию штаба, чтобы ознакомить с приказом.

– Совещание, совещание! У адмирала! – Игорь Глебович передразнил утреннего посыльного. – Идиот чёртов!

Не было там никакого адмирала. Адьютант сунул приказ о лишении тринадцатого оклада по итогам года, чтобы расписались в ознакомлении, вот и всё совещание.

У Семерни формулировка была лаконичная: «за употребление спиртных напитков в служебное время», а у Игоря Глебовича целый рассказ написал поклонник творчества Римского–Корсакова. Без слёз до середины не дочитаешь.

Окна в клубе почему-то светились. Видимо, кто-то из его архаровцев забыл выключить свет. Игорь Глебович сорвал с шеи форменный галстук– «селёдку», и побрёл к клубу.

В комнате, за столом с разложенными на нём рыболовными прибрлудами, сидел Лукич и, Господи прости нас грешных... Гнутый.

Собеседники уже приняли противоядие от полярной ночи, поэтому их румянец граничил с багровыми тонами.

– Тут, такое дело... – Лукич развёл руками, словно это могло помочь в подборе подходящих слов. – Алексей... Тебя, как по батюшке?

– Да, брось, ты. Просто, Алексей – предложил Гнутый.

– Не... неудобно...иной раз. – настоял на своём Лукич. – Так, как батю звали?

– Трофим.

Лукич кивнул и продолжил:

– Алексей Трофимович зашёл к нам... Вдруг! Снасти предлагает. И цена хорошая. Понимаешь!?

Глубина ситуации требовала паузы. По её окончании, Лукич предложил:

– А что?! Игорь Глебович, может по пятнадцать капель? Чисто символически! Ну, так сказать... Ну, словом, что всё так хорошо завершилось. – и показал глазами на Гнутого.

Алексей Трофимович, в это время, тревожно рассматривал плетённую «муху». Возможно, он заметил дефект, который явно не понравится форели.

Период накопления.

Боря Горшков отпустил бороду после того как отсидел пятнадцать суток за драку в троллейбусе.

– Да...а – сказал двоюродный брат Дмитрий Сергеевич, когда приехал в командировку.– Всё-таки, Мурманск это цивилизация. Даже троллейбусы у вас есть!

Дмитрий Сергеевич служил офицером на побережье, в закрытом военном городке с тремя улочками. Где, если встретишь знакомого на соседней улице, то он непременно поинтересуется, зачем вы притащились в эдакую даль.

– И тебя судили?

– А то...

– И адвокат был?

– Какой адвокат ! – усмехнулся Боря. – Нас там человек десять привезли. Как в кино: «Граждане тунеядцы, алкоголики и хулиганы». Постоянные клиенты сразу сказали: « Не повезло. Сегодня Агафоныч судит. Получим по максимуму». Ну, и нас проводят мимо этого Агафоныча по одному. А он просто рожу смотрит и пальцем так: « Этому пятнадцать», « Этому пятнадцать».

– А за что в основном попали на пятнадцать суток?

– Да, кто за что. Со мной в камере дед сидел... Кошмарная история. Дед участник войны, у него ордена есть. Пришёл с внуком в кино. Утренний сеанс, мультики. Ну и припичило ему по малой нужде. А в кинотеатр ещё не пускают. Ну, он за угол и зашёл... А тут менты... Даже к внуку не пустили... Забрали.

Сам Боря подрался с собутыльником. Оба были настолько пьяны, что на следующий день, причину конфликта вспомнить не могли. Водитель заблокировал двери, и без остановок поехал в парк, где уже находился милицейский наряд. Драка прекратилась также внезапно, как и началась. И милиционеры, когда вошли в салон троллейбуса, сначала прошли мимо Бори и его спутника. Приятели мирно беседовали на первом сидении.

«На сутках» Боря вёл себя хорошо и его отпускали ночевать домой. Утром он возвращался в казённый дом с жареной курицей, которую заботливо готовила бабушка. В своё время, она пять лет провела в сталинских лагерях, поэтому арестантскую долю любимого внука переживала остро.

– Ты, кстати, с бородой на Фридриха похож. – сказал Дмитрий Сергеевич.

– Какого Фридриха?

– Соратника Карла.

– Фридриха Энгельса, что ли?

– Ну. В молодости.

– Да ? – Боря посмотрел в зеркало. – Надо было раньше бороду отпускать. Может быть тогда не на полную катушку дали ? Не пятнадцать суток?

– Вряд ли. Теперь за такое внешнее сходство только добавить могут. Времена поменялись.

– И слава богу.

... Ветер перемен, сорвавший полотнища с профилями бородатых основоположников Карла и Фридриха, подхватил и Борю Горшкова, который работал радистом на пароходе, и зашвырнул его на ниву предпринимательства.

...Весной, когда братья виделись, Боря был полон идей и оптимизма.

– У меня теперь своё предприятие! – гордо сообщил он тогда. – Знаешь, как называется? «Негоциант Инжиниринг Л». Звучит? Это я придумал.

Дмитрий Сергеевич поразился:

– Огромный плакат у вокзала твоя реклама ?!

– Нет. – немного смутился Боря. – Это просто «Негоциант Инжиниринг». Строительством занимаются. А у нас в конце ещё буква «Л», Лаки. «Удача» по-английски.

– Понятно... А чем заниматься будете?

– Разным. – ответил бизнесмен несколько уклончиво.

– Так ты директор?

– Коммерческий – уточнил Боря. – Ещё есть генеральный директор... Гуцин.

Дмитрий Сергеевич мог ошибаться, но в троллейбусе, Боря подрался, именно с Гуциным. Кстати, тогда Гуцин сумел избежать «отсидки».

– А ещё кто есть в вашем «Негоцианте»?

– Курьер. Гена.

Курьера, положительно характеризовало то, что он не был занят в инциденте в общественном транспорте. Но откровенно говоря, при личном общении, Гена производил несколько странное впечатление.

– У нас теперь «офис» есть!

Известие об «офисе» немного сгладило ошибки кадровой политики.

– Прямо «офис» у вас?

– Ну, это не совсем «офис»... Квартиру снимаем. В хрущёвке. Просто сейчас у нас период накопления первичного капитала. Приходится экономить.

... Сейчас, спустя полгода, Боря Горшков пребывал в меланхолии.

– Как дела?

– Дела у прокурора. У нас, делишки.

– Давай, ходим куда-нибудь, посидим.

– Не могу. Гена сейчас должен приехать.

– Курьер?

– Придунок он, а не курьер. – резонно заметил коммерческий директор.

– Ну, это не новость. Так тебе в офис надо ехать?

– В какой офис? А... ты про нашу конуру в хрущёвке? Там сейчас... В общем, ремонт. Гена сюда придёт.

Боря прошёлся по комнате и остановился у огромной бутылки, на горле которой раздулась резиновая перчатка. Первые лица государства, заботясь о здоровье вторых лиц, убрали с прилавков водку. В ответ граждане занялись изготовлением «вина» в домашних условиях. Перчатка регулировала газы, исходящие от браги.

...Курьер опоздал на полтора часа и был задумчив. По жизни, Гена не пил водки, и уж тем более не употреблял запрещённых препаратов, но производил впечатление «обдолбан-

ного». Претензии коммерческого директора он терпеливо выслушал, но в суть, похоже, не углублялся.

Босс приступил к постановке задачи подчинённому.

– Гена, сейчас поедешь на улицу... Вот на листочке я тебе адрес написал. Там мужик ждёт. Зовут Юрий Сергеевич... Надо забрать у него вот эти документы... Тут список... И передать двести долларов.

Инструктаж курьер слушал с отсутствующим взглядом. Но когда увидел наличные, вернулся в реальный мир. Полученные купюры пересчитал, и спрятал во внутренний карман. Листок с адресом отложил в сторону, как обёртку от съеденной конфеты.

– Гена, только я тебя прошу не опаздывать. Туда надо успеть до пяти.

Курьер ничего не ответил, но мимикой дал понять, что он профессионал.

– Там на доме вывеска ещё такая... – заметно волновался босс.

Сотрудник не слушал, ему не терпелось приступить к исполнению служебного задания. Он двинулся к двери.

– Гена!

– А?

– Листок с адресом возьми.

Когда дверь закрылась, коммерческий директор волнительно выгрыз ноготь на безымянном пальце, и резюмировал:

– Пропали деньги. Теперь этого придурка до конца недели не найдёшь.

– А ты сам не мог отвезти?

– Курьер, сука, он.

– Логично. Слушай, а его не пора уволить?

Коммерсант тяжело вздохнул:

– Друг детства. Куда от него денешься?

...Боря Горшков всегда мечтал разбогатеть, но трепетно относился к советскому уголовному кодексу. Поэтому когда за валютные операции, щедро отмерялись срока, пытался поправить своё финансовое положение законным путём.

Для этого было достаточно угадать шесть номеров из сорока девяти. В лотерею. Боря придумал абсолютно гениальный ход. Он каждый раз заполнял по два билета! Выигрыш удваивался! Таким образом, финансы не только «поправлялись», а полностью выздоравливали! Оставалось только угадать цифры. Но это было чисто техническим вопросом. Боря разработал методику. Он играл не наобум, а по схеме. И тщательно анализировал результаты каждого тиража, которыми исписал две толстые тетради. Он говорил, что выигрыш, вопрос времени и все расходы покажутся смехотворными. По сути, он был прав. Но, увы, в бизнесе всё решают нюансы.

Через четыре месяца, Боря выбросил тетради, почесал бороду, и, стал с меньшим пietetом, относится к уголовному кодексу. Деньги лежали на дороге, оставалось поднять. Они с верным Гуциным решили спекулировать водкой в ночное время. Стартовый капитал был взят взаймы, под проценты.

Перед выходом на трассу Гуцин предложил провести экспертизу закупленного товара. Ведь репутация в бизнесе это всё. Забота о ней заставила, недавно «завязавших» соратников, выпить по полстакана...

Квартира незаметно заполнилась людьми... «Шалман» запел и затанцевал...

Боря опорожнил рюмку и закурил.

– Я долги полгода выплачивал. Гущин тогда исчез, сука. Через две недели, как водка кончилась.

Дмитрий Сергеевич тоже выпил:

– Не нравится мне твой Гущин.

– А мне, что он нравится?

– Так зачем было с ним этот «Лаки» устраивать?

– Какой «лаки»?

– «Негоциант Л», полный «удачи».

– А... Чёрт его знает... Умеет он как-то втереться... этот Гущин.

Собеседники выпили ещё.

– Полгода на вольных хлебах оптимизма, смотрю тебе, не добавили.

– Да, какой тут оптимизм... Дело швах. Гущин говорит: «Давай кинем кого-нибудь!»

Дмитрий Сергеевич ещё слабо владел терминологией бизнеса:

– Как «кинем»?

– Ну, деньги набрать займы и свалить.

– А ты чего?

– Я так не могу.

Витя затушил окурок и сообщил:

– Ему тут, чуть глаз не выбили...

– Кому?

– Гущину.

...Генеральный директор «Негоциант Инжиниринг Л» проводил деловую встречу в офисе своей компании.

«Зачем этот придурок туда поперся? Хозяева квартиры сказали, чтобы мы больше там не появлялись. После последнего случая... когда они ментов вызывали...»

С кем конкретно встречался генеральный, коммерческий директор не знал.

«Ваклахи какие-то... Очередные».

Во время переговоров подавались спиртные напитки.

«Гущин когда пьяный, такой идиот...»

Излишняя прямота привела к непониманию сторон.

«Начинает на всех кидаться, и нести всякую муйню...»

Возникло некоторое напряжение.

«Они ему в глаз та-ак засадили...»

Переговоры зашли в тупик. Стороны перестали искать компромисс.

«... Они всю хату разнесли».

Коммерческий директор прибыл вскоре после окончания переговоров. Оперативно проанализировав результаты встречи, руководство «Негоциант-Инжиниринг Л» покинуло головной офис компании.

«... Я ему говорю: валим отсюда, Гущин... Соседи сто пудов, ментов вызвали... Башку ему шарфом замотал, потому что у него та-а-кой глаз! А он упёрся. Не пойду пока немного не выпью. Стресс ему, сука, снять надо! Купил на последние деньги фляжку коньяка «Плиска»... Так и шли, как два...»

Вероятно, Боря хотел привести сильное сравнение, но затруднился с выбором матерного слова и только махнул рукой.

- А где он сейчас ? Гушин.
- Не знаю. Как кредит взяли, я его так и не видел.
- Давно взяли?
- Да уж с неделю. Ладно давай укладываться. Поздно уже.

Ночью Дмитрий Сергеевич проснулся и вздрогнул от страшной тени. Свет уличного фонаря превращал надутую резиновую перчатку, на бутылки, в огромную лапу чудовища на стене. Она медленно покачивалась из стороны в сторону. Как будто прощалась. Наверное, с первичным капиталом. И негоциантом Гушиным.

Абгалдырь.

Начальник штаба был спокоен, как потухший вулкан и склонен к аллегориям:

- Из тебя, Апухтин, военный, как из члена оратор. Встанет, покраснеет и молчит.

Вчерашняя ярость начальника штаба, как вулканическая магма, выжигавшая всё на своём пути, к утру остыла и окаменела. К почти литературным образам военного начальника подвигла проза жизни. И лейтенант Митя Апухтин.

Была у начальника штаба мечта. Хрустальная, как графин для водки, что подарила супруга на 23 февраля.

Уже во сне видел, как вызывает его командир бригады малых противолодочных кораблей, и вручает бумагу, полученную из штаба Северного флота, с круглой синей печатью:

«Откомандировать капитана 3 ранга Бывших В.А. в распоряжение отдела кадров Военно-морской академии... в город Ленинград...»

И сам комбриг, уже, не как начальник, а как старший товарищ, пожимает руку и скупое, по-мужски напутствует:

- Семь футов, тебе, под килем, Василий Алексеевич! Езжай, учись! Заслужил, Вася!

И благосклонная судьба щедро отмеряет новоиспечённому слушателю академии два года жизни, в самом красивом городе на земле. С крошечного острова на побережье Кольского полуострова он казался каким-то инопланетно-сказочным.

Да что там Эрмитаж или БДТ. У человека, вдоволь надышавшегося свежим воздухом, на бескрайних просторах Заполярья, восторг мог вызвать обыкновенный трамвай. Затерявшийся на южном побережье Баренцева моря, остров Шалим, уравнивал в своей роскоши, приезд королевской семьи в Букингемский дворец и вечернее посещение ленинградской булочной новым слушателем академии .

А потом, спустя два года, открывался перед Василием Алексеевичем, новый путь. Прямой и светлый, как Невский проспект, в белую ночь. И лежала эта дорога, пусть и в стороне от мохнатых адмиральских звёзд, но уж точно, вдалеке от достопочтенного острова Шалим.

Но оборвал, лейтенант Апухтин, грёзы начальника штаба. Раскокал Митя, хрустальный графин его мечты.

В мирное время военная служба особая. Готовность войска проверяет не неприятель, атакующий ваши редуты, а бесчисленные комиссии из штаба флота или даже из самой Москвы. Поэтому виктория это не отступление вражеских войск, а запись проверяющего: «Замечаний нет». Но такая резолюция большая редкость. Потому как любому инспектору надо оправдать существование своей должности и командировочные.

А Митя Апухтин, для проверяющих, был, как толстая аппетитная личинка для проголодавшейся птички. Причём, усилий дятла иступленно долбящего дерево, не требовалось. Червячок сам выползал, на удобное, для его же пожирания, место.

Именно вчера, в последний день работы комиссии из Москвы, чёрт дёрнул Митю развернуть схему какого-то своего минного прибора. Нет, ничего дурного в этом не было. Наоборот, лейтенант Апухтин выполнял свои служебные обязанности. Но вот только, в углу этой бумажной «простыни» стоял невзрачный штамп: «Секретно». И конечно, работать с таким документом полагалось в специально отведённом помещении, а не вылезать на верхнюю палубу малого противолодочного корабля. Но всё живое тянется к редкому заполярному солнцу, выползая из своих щелей. И, в тот августовский день, сладко щурясь, выполз, и Митя.

Откровенно говоря, чайка, волнующая романтические натуры, силуэт которой изображён, даже, на занавесе знаменитого театра, на самом деле птица дрянная.

А баклан, на бреющем полёте какнувший в секретную схему, вообще был полным гнусом. И, похоже, имел проблемы с пищеварением. Но бомбистом, он оказался отменным, и документ восстановлению не подлежал.

В секретную часть, Митя бежал, словно надеясь, что там его успокоят и даже удивятся, из-за чего собственно, он так разволновался.

На причале, Апухтин чуть не сбил с ног офицера в морской форме, но с красными просветами на погонах.

Товарищ майор только улыбнулся, и даже поинтересовался, что случилось и может ли он чем-нибудь помочь. Старший офицер, пребывал в прекрасном расположении духа, по случаю великолепного солнечного дня и скорого возвращения к столичной жизни. Его глаза светились участием и ироничными искорками.

Митя был в смятении и нуждался в сочувствии. И он поведал о своей беде, экспрессивно упомянув процесс оплодотворения летающих тварей.

Эх, лучше бы товарищ майор был менее интеллигентен. И даже писал собственное звание через букву «ё». Такой майор не стал бы вести светские беседы с лейтенантом, у которого включенные волосы гармонировали с безумными глазами. Он привёл бы в чувство младшего офицера, какой-нибудь короткой, но ёмкой фразой, и отправился бы по своим делам.

Заинтересованность этого же, собеседника, была профессиональной. Товарищ майор стоял на страже наших секретов от их лазутчиков.

Обкаканная и порванная секретная схема прибора могла компенсировать отсутствие шпионов на острове Шалим. Тревожное донесение товарища майора в центр, создавало ощущение предотвращённой диверсии.

Вчера вечером, когда тральщик, с инспекцией на борту, отчалил, комбриг поднял вверх, в характерном жесте, согнутую в локте руку, и буркнул начальнику штаба дивизиона:

– Вот твоя академия, Вася!

Погода на Севере переменчива, как судьба. Ещё пару часов назад было солнечно, а сейчас задул пронизывающий ветер, нагнал туч, и из жизни ушла, согревающая душу, мечта. С серой осенней хмарью, осталась только суровая действительность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.